

К 150-летию со дня рождения великого русского писателя

ГЕНИЙ, как молния, неиз-вестно, в чей дом ударит. 150 лет назад, в 1821 году 11 ноября, она ударила в боль-ницу для бедных, что в Моск-ве на Вожедомке — у лекаря Михаила Достоевского роди-ся сын, которому дали имя Федор. Не знаю, может быть, именно от того, что мальчик родился при больнице, да еще предназначенной для бедных, может быть, именно от этого чужие страдания навсегда опали его душу, сердце, мозг. Униженные, оскорбленные, страждущие стали предметом его внимания. Но не только предметом наблюдения, изу-чения, как у какого-нибудь бесстрастного статистика, а личной болью собственного сердца.

Я имею право так предпо-лагать, потому что Достоев-ский и сам придавал огром-ное значение впечатлениям, вынесенным человеком из детства: «Знайте же, что ни-чего нет выше и сильнее, и здоровее, и полезнее впредь для жизни, как хорошее ка-кое-нибудь воспоминание, и особенно вынесенное еще из детства, из родительского до-ма. Вам много говорят про во-спитание ваше, а вот какое-нибудь такое прекрасное, свя-тое воспоминание, сохраненное с детства, может быть самое лучшее воспитание и есть», — восклицает он устами своего любимого героя Алехи Кара-мазова. Мне могут заметить: какие же это хорошие и прекрасные воспоминания — жизнь при больнице для бед-ных? Но, может быть, вид чужих страданий и есть самое святое, самое нужное впечат-ление, чтоб не одеревенела, не

СЕГОДНЯ исполняется 150 лет со дня рождения Федора Михайловича Достоевского.

Гуманист, защитник угнетен-ных и обездоленных, мучи-тельным образом переживав-ший человеческие страдания, личные и социальные, реалист, умевший трепетно-пронзитель-но нарисовать картины всяче-ской жизни, художник, сказав-ший о себе: «При полном реал-изме найти в человеке чело-века. Это русская черта по пре-имуществу, и в этом смысле я конечно народен...» — хотя и не известен русскому народу те-перешнему, но буду известен будущему. — Достоевский, бес-спорно заслуживает имени ге-ниального русского писателя. «Брат-я Карамазовы», «Пре-ступление и наказание», «Уни-женные и оскорбленные», «Идиот», «Бедные люди», «За-писки из Мертвого дома», «Иг-рок» — одно это перечисление впечатляет больше, нежели иные объяснения и восхлища-ния. Все это читаемо са-мой широкой публикой, и все это — написано одним че-ловеком.

Его собственная судьба изо-бильна драмами. Участник революционного кружка Петра-шевского, он был осужден на «смертную казнь расстреляни-ем». Холодным декабрьским днем его и других осужденных привели в закрытой карете на Семеновский плац. Там всем нам прочли смертный приговор, дали приложиться к кресту, преломили над головой шпаги... жить мне оставалось не более минуты». Так писал Федор Михайлович позже бра-ту. Он прелучил возможность написать это, потому что цар-ские сановники позволили себе разыграть фарс. Казнь была всего лишь представлением: в последний момент ее заменили ссылкой и каторгой с лишили-ем «всех прав состояния».

Четыре года каторги, разжа-лование в солдаты, запрещение «выезда в губернии С.-Петер-бургскую и Московскую и жи-

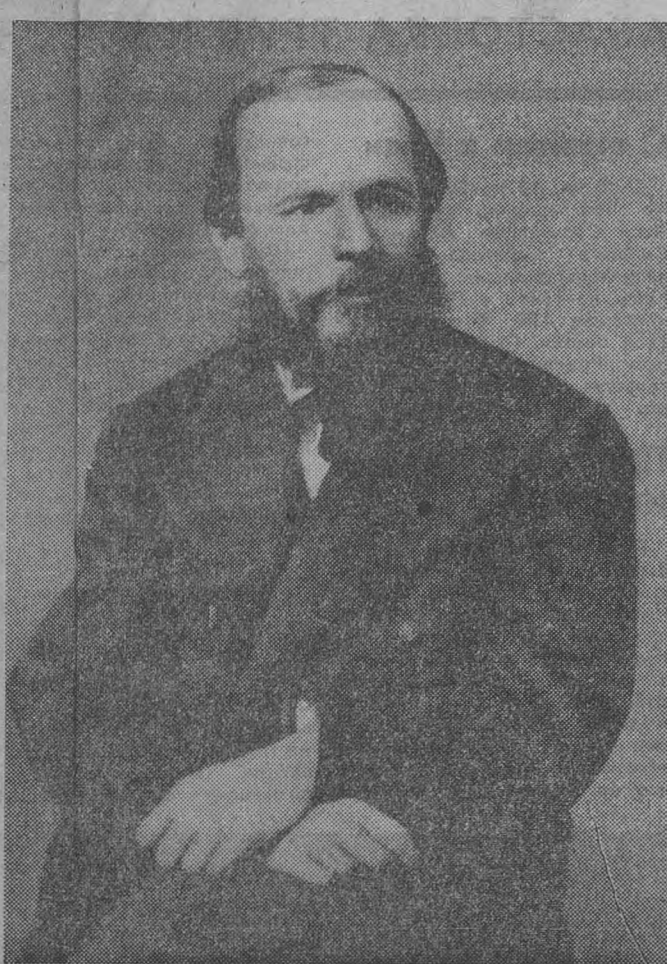
тельства в обеих столицах», а затем вдруг ласки великих кня-зей, вечная нехватка денег, тя-желая болезнь и наконец гор-ловые кровотечения, завершив-шиеся 28 января (по старому стилю) 1881 года в 8 часов 38 минут вечера смертью...

Это только бедная вязь внеш-них событий. А что было в глу-бине, как отражалось все на внутренней натуре художника! Разве удивительно при этом, что мировоззрение Достоевско-го, весь его идейно-образный мир полны подчас трагических контрастов?

Нет оснований преуменьшать глубину действительных заблуждений писателя. Его слава-нофильские настроения, его ре-лигиозность, целый ряд расхо-ждений с революционными демократами — были. Но по-нять корни этих его заблужде-ний, связать их с исторической действительностью — значит еще глубже постичь художника, еще ярче увидеть на этом фо-не взлет творческого гения. Зрелые годы его жизни приш-лись, может быть, на самую мрачную пору российской ре-акции. Противоречия действи-тельности, наложившись на противоречия личности, и да-ли в итоге то самое явление, едва ли не самое сложное во всей истории русской, да и ми-ровой культуры, имя которо-му — Достоевский. Недаром су-ществует четыре тысячи ра-бот о Достоевском и число их все растет.

Известно отношение В. И. Ленина к Толстому. Ленин счи-тал, что если перед нами дейст-вительно великий художник, то он должен был отразить в сво-их произведениях некоторые существенные стороны бытия (революции). Это можно рас-сматривать и как мерку отно-шения к Достоевскому.

Отмечая сегодня его юбилей, мы обращаемся к тем непрехо-дящим ценностям в его твор-честве, которые составляют та-лант, следование правде жизни, великая любовь к человеку.

На снимке: Федор Михайлович Достоевский.

Необыкновенность, сила, глубина и оригинальность таланта Достоевского были признаками тотчас же обна-ружилась ту неумеренную тре-бовательность в отношении к таланту Достоевского и ту неумеренную нетерпимость к его недостаткам, которые имеют свойство возбуждать только необыкновенный та-лант.

Виссарион БЕЛИНСКИЙ.

Вы говорите, что Достоев-ский описывал себя в своих героях, воображая, что все люди такие. И что ж! резуль-тат тот, что даже в этих ис-ключительных лицах не толь-ко мы, родственные ему лю-ди, но иностранцы узнают се-бя, свою душу.

Лев ТОЛСТОЙ.

Он дает мне больше, чем любой мыслитель...

Альберт ЭЙНШТЕЙН.

Гениальность Достоевско-го неоспорима, по силе изоб-разительности его талант ра-вен, быть может, только Шек-спиру.

Максим ГОРЬКИЙ.

ФЕДОР ДОСТОЕВСКИЙ СЕГОДНЯ И ВСЕГДА

онемела, не обесчеловечилась твоя душа, особенно тогда, ко-гда тебе самому хорошо.

Как известно, и позднее, когда Достоевский жил в Пе-тербурге и достиг высокой пи-сательской славы, он всегда селся поближе к бедному люду. Там, где потеснее уло-чки, где по подвалам в питей-ных заведениях сбивались у столиков мармеладники, по тротуарам в ожидании кли-ентов бродили или стояли у стен домов сонечки, а где-то рядом, в камере, в которую надо подниматься под самую крышу по грязной лестнице, вынашивал свои полубезум-ные идеи Родион Раскольни-ков. Но вся эта нищета, «недра» капижана Снегирева или бедная комнатуха Мака-ра Девушкина — только одна сторона вопроса, который беспокоил, рвал сердце и мозг Достоевского. Даже, по-жалуй, все это нагроможде-ние бедных, хромых, безно-гих, горбатых, пьяных, про-ституток, сумасшедших нуж-но было Достоевскому только для того, чтобы оттенить свою идею, потому что имен-но в этой бедной и убогой жизни, именно там и тлеет святой огонек человечности.

А идея эта была такова: бедность материальная страш-на, но еще ужаснее духовная бедность. Многие современни-ки Достоевского предполагали, что достаточно уничто-жить материальную бед-ность, как далее, как само со-бой разумеющееся, наступит царство равенства и польются реки благоденствия и высоких чувств. Достоевский так не считал. И был прав. Мы зна-ем, что свержение имущих классов, уничтожение голода

и нищеты есть первая сту-пенка на лестнице человече-ского прогресса. За этим долж-ны последовать культурная, духовная революция, измене-ние человеческих отношений. И мы с вами видим, как не отдельные люди и уже не от-дельные касты, а целые стра-ны Запада живут в полном или хотя бы в относительно достаточном материальном благополучии, но именно в этих странах и получили свое наиболее пышное развитие всеческие нравственные и ду-ховные уродства.

Есть испытание на бедность, есть испытание на сытость. Достоевский, будучи сам че-ловеком вечно нуждающимся, не пришел к мысли: дайте мне миллион, и я буду счастлив, — а всем своим существом по-стиг более сложный аспект вопроса человеческого сча-стья.

Вот короткий диалог Верси-лова с незаконным сыном Ар-кадием из повести «Подрок». Сын вопрошает отца:

— Слушайте, ничего нет выше, как быть полезным. Скажите, чем в данный миг я всего больше могу быть поле-зен? Я знаю, что вам не раз-решить этого; но я только ва-шего мнения ищу... клянусь вам! Ну, в чем же великая мысль?

— Ну, обратить камни в хлебы — вот великая мысль.

— Самая великая? Нет, вразумив, вы указали целый путь; скажите же: самая ве-ликая?

— Очень великая, друг мой, очень великая, но не са-мая; великая, но второсте-пенная, а только в данный

момент великая: «Наестся че-ловек и не вспомнит; напро-тив, тотчас скажет: ну, вот я наелся, а теперь что делать?»

Оттого и читается сейчас Достоевский у нас с повышен-ным интересом, особенно в среде развитого юношества, лишенного материальных не-взгод, тяжелейшей ношей ле-жавших на плечах их отцов и матерей, оттого и читается, что Достоевский ищет ответа на вопрос о смысле жизни и тогда, когда человек имеет крышу над головой, одет, обут и сыт.

Человек, не задумывающий-ся над смыслом жизни, — ограниченный или даже пу-стой человек. Он живет жизнью стрекозы. Сам поиск смысла жизни уже очеловечи-вает человека и делает его жизнь осмысленной и одух-творенной. Достоевский и во-влекает тебя в этот поиск. А кто не ищет смысла жизни в 17, 18, 19 лет? Я хорошо по-мню, как именно в 19 лет встретился с Достоевским. Это было летом, в студенческие каникулы, которые я прово-дил у родителей в Костроме. Я много слышал о мрачности, об ужасности, о безысходно-сти произведений Достоевско-го... Прочел подряд 12 томов собрания сочинений. Во время чтения бывали минуты, когда я закрывал книгу и, смеясь и ликуя, скакал по комнате в каком-то мальчишеском хмельном восторге. Я не по-нимал, как можно об этом ав-торе говорить, что он мрачен. Нет, говорил я себе, он весь из света, из любви к жизни, из добра. И именно этот бю-щий со страниц свет, эта до-

блота и пьянили меня, сдела-ли и мою собственную, крайне небогатую материальную жизнь наполненной богатства-ми до краев.

Сколько читат из произве-дений Достоевского я выписал тогда в черную клеенчатую общую тетрадь! Уходя на фронт, я положил в вещевой мешок самые необходимые и дорогие мне вещи, в том чис-ле и эту тетрадь. Она так и пропала где-то на поле боя вместе с этим самым вещевым мешком, когда меня, раненно-го, унесли в полевой лазарет. Но все, что там было записа-но, живет во мне или, вернее, не живет, а составляет часть меня и по сию пору.

Мальчик из повести «Ма-ленький герой», Мышкин из романа «Идиот» и, конечно, Алеша Карамазов, а с ним и Коля Красоткин — любимые мои герои. Может быть, кому-нибудь из читателей такой подбор героев покажется странным. Но, очевидно, разным людям для роста требуется различная ду-ховная подкормка. Беда, ко-гда литературный герой про-буждает и побуждает к дейст-вию твои самые низменные инстинкты, беда, когда он убог духовно и это свое убо-жество выдает за добродетель.

Я знаю, многим Алеша Ка-рамазов кажется личностью бледной, лишенной жизнен-ных сил. Рядом со своим от-цом и старшими братьями он вроде бы и теряет многое. По-жалуй, это так. Но, пожалуй, и не совсем. Во многом Але-ша и выигрывает. Я долго ду-мал, почему именно он из все-го романа произвел на меня

наиболее сильное впечатление в юности и почему именно его я люблю и сейчас. Перечиты-вая недавно роман, я был по-ражен первой же его строкой, которая прежде не останавли-вала внимания. Вот она: «На-чиная жизнеописание героя моего Алексея Федоровича Ка-рамазова...» Не Митя, не Иван, не Грушенька, не Кате-рина Ивановна — такие соч-ные, бешеные, полные стра-стей личности, а юноша Але-ша — герой романа. Значит, в него вкладывает Достоевский всю свою любовь, все свои на-дежды, все счастье. И имен-но, видимо, от этого и я полюбил Алексея.

И тихий Макар Девушкин го-раздо дороже мне испуган-ного Рогожина. Позднее и в уме помню, почему это так. Потому что Достоевский через этих бедных людей проводит и еще одну свою глубокую мысль, выраженную слова-ми: «Чем больше в нас самих духа и внутреннего содер-жания, тем краше нам угол и жизни!». Твое собственное внутреннее содержание — то-же источник счастья. Косвен-но об этом сказал и другой ве-ликий человек — Эйнштейн. Думаю, что я привожу дослов-но его слова: «Моральные ка-чества выдающейся личности имеют, возможно, большее значение для данного поколе-ния и всего хода истории, чем чисто интеллектуальные до-стижения». А где и находятся эти моральные качества, как не внутри личности, как не составляют ее суть?

Мне дороги прорывы к вер-шинам духа, которые Дос-

товский выражал в каче-ствах любимых своих ге-роев. Ну, а низины... ни-зины, они kloчуют и в го-лове Раскольникова, и в кро-ви Мити Карамазова, и в не-счастной, растленной в юно-сти Настасье Филипповне... И Достоевский не горюпитос осу-ждать их. Он просит прежде понять. Это слияние духовно-го и животного в человеке вы-ражено в произведениях До-стоевского во всех своих са-мых предельных крайностях. Подлец Ганька в «Идиоте» го-тов вынуть горящие сто тысяч из кармана, но оставшееся бла-городство не позволяет ему этого сделать. В борьбе с са-мим собой, в неистовой нап-раженности чувств Ганя Ивол-гин теряет сознание. Это дове-дение до точки кипения стра-стей, при которых, как гово-рится, количество переходит в качество или в свою противо-положность, — тоже одна из сторон, до изумления впечат-ляющих сторон творчества До-стоевского.

Читая Достоевского, я все-гда испытывал и еще один вид наслаждения. Не говоря уже о том, что соприкосновение с ге-нием и тебя самого уносит ку-да-то ввысь, увлекательность самого повествования, этаким, я бы сказал, рассказ взахлеб, без передыха, буйство фанта-зии, умение заметить все до мельчайших деталей, ухватить всех «шпионов мысли», осмыс-лить почти неосмыслимое дви-жение души вроде знаменито-го медного пестика, который ухватил Митя Карамазов в ру-ку, ухватил почти в неиссле-дуемом порыве, — все это само по себе вызывает восторг. По-жалуй, я скакал тогда по ком-нате и от восторженного удив-ления перед этим феноменом...

А тем, кто все еще считает Достоевского писателем мрач-ным и надрызным, я бы хотел ответить строкой Александра Блока: «Простым утром — разве это скрытый двигатель его? Он весь — ды-тя добра и света, он весь — свободы торжество!»

Виктор РОЗОВ.

Лев КУЛИДЖАНОВ, народный артист РСФСР:

Сказать, что Достоевский всегда современен — значит сказать только половину прав-ды. Он вечен, в его творениях мы находим не только ответ на волнующие нас вопросы, но и живую связь времен, ощущение самого процесса нравст-венной эволюции человечест-ва.

Я несколько лет читал «Пре-ступление и наказание» перед тем, как взяться за работу над фильмом. Это было неосто-рожностью с моей стороны — теперь мне трудно чи-

тать что-нибудь другое. И сейчас, когда фильм давно сделан, все еще не проходит чувство досады — что-то не вышло, что-то получилось не так, как было задумано. Про-должается разговор с карти-ной — потому что Достоевский неисчерпаем. Мне кажется, что такие романы, как «Преступле-ние и наказание», режиссер должен экранизировать два-жды — во всяком случае я хо-тел бы еще раз попробовать, может быть, получилось бы лучше.

Ефим КОПЕЛЯН, народный артист РСФСР:

Уже давно было замечено, что Достоевский, если можно так сказать, насквозь драма-тургичен. Мне как акте-ру важно и дорого еще и то, что, играя Достоевского, я не должен искать психологиче-ское объяснение поступков героя — это уже сделал писа-тель, моя задача — постичь и суметь воплотить найденное им. Конечно, это трудно, ко-нечно, Достоевский требует от актера многого, но дает он еще больше. Дает живой и четкий «второй план» роли, острейший конфликт текста и

действия. Именно этим инте-ресен Свидригайлов, которого мне посчастливилось сыграть в кино. Внешне он, как теперь говорят, «отрицателен», вну-тренне — трагичен: человек, ставший жертвой собственных страстей. Как Раскольнико-ва, и позже, чем он, Свидри-гайлов сталкивается с нрав-ственным законом и признает свое поражение — только вы-дает по-другому. Работа была захватывающей и нелегкой. Да и вообще трудное это сча-стье — играть Достоевского.

Виталий ГОРЯЕВ, заслуженный художник РСФСР:

«Соавторство» с Достоев-ским — непомерная дерзость. Я решился на него только то-гда, когда жился в «Идиоте», разложил его для себя на «спектр», когда мог сказать: «Я понял почти все...». Я даже вел дневник. Предварительная серия работ называлась «Диалог Достоевского». Почему «Диалог»? Потому что у его героя всегда есть двой-ник, антитеза. Достоевский — сплошной диалог: с антипо-дом, с самим собой, с люди-ми. Ведь каждый герой — это часть Достоевского. Автор

разрывается, не может найти гармонии. Это меня и захвати-ло. Весь рисунок, каждую ил-люстрацию я хотел подчинить тяжелой поступи фразы До-стоевского. Для него нужна совсем особая техника. Долго-искал. Строил изломанное пространство с пересечением плоскостей и объемов. Рису-нок угловатый, беспокойный. Многие «подсмотрел» во фре-сках Возрождения, у Врубеля. Достоевский — это жизнь, ее философия и психология, сфокусированные на внутрен-нем мире человека.